

ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

С момента победы Октябрьской большевистской революции в России в публицистической и научной литературе ведется дискуссия об отношении к этому событию российской интеллигенции. Выбор политической позиции, того или иного общественно-политического лагеря, для большей части российской интеллигенции в 1917 году, несмотря на предпринятые исследования обществоведов, остается одним из сложных вопросов историографии в России. Во многом сложность в изучении данного вопроса определяется тем, что этот выбор интеллигенции не был, да и не мог быть кратковременным актом. Он проходил в ходе длительного процесса накопления и критической оценки политического опыта. Свое место в революционном процессе осени 1917 года каждая группа и каждый конкретный представитель интеллигенции определял под воздействием сложного комплекса факторов, их переплетения и взаимодействия. Сложность объекта исследования требует привлечения новых, в том числе математических, методов.

В большинстве работ советских историков, где охарактеризовались общественно-политические позиции российской интеллигенции в 1917 году, ее деятельность в первые месяцы Советской власти, оценка давалась с позиций большевиков. Главное внимание в этих работах уделялось отношению интеллигенции к новой власти, а не мотивом поведения и деятельности данного социального слоя. Если же эта проблема и затрагивалась в советских исторических сочинениях, то взгляды и дела «антисоветской» интеллигенции трактовались весьма тенденциозно, через классово-идеологическую призму, исключительно как «зависимость от денежного мешка буржуазии»¹. Данный подход не позволял объективно оценить мотивы и саму деятельность российской интеллигенции в послеоктябрьский период, а также непредвзято рассмотреть политику «рабоче-крестьянского государства» к этому субъекту общественной деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что события осени 1917 года стали поворотным пунктом не только в развитии всей страны, но и в политической дифференциации российской интеллигенции. За короткий отрезок времени в сознании интеллигенции произошли существенные, а порой кардинальные изменения. И это не случайно, ибо, как известно, бывают в истории времена, когда в одном дне сосредотачиваются десятилетия. Это мнение находит подтверждение в суждениях представителей российской интеллигенции первой трети XX века. Так, журналист С.В.Яблоновский-Потресов писал в апреле 1922 года: «Мы не годы пережили; мы через необъемлемые пространства времени прошли»².

Отношение российской интеллигенции к Октябрьской революции было различным. Спектр оценок был очень широким: от крайне негативных до восторженно приветствующих. К сожалению, отсутствие точных сведений, социологических данных не позволяет четко и определенно судить о политической дифференциации российской интеллигенции в ходе большевистской революции. Это

¹ См., например : Ушаков А.В. *Демократическая интеллигенция в период трех революций в России*. М., 1985.

² Государственный центральный театральный музей имени А.А.Бахрушина. Фонд 210. Описание 1. Единица хранения 1051. Лист 53.

привело к существованию различных точек зрения в оценке политической дифференциации российской интеллигенции непосредственно после взятия власти большевиками, как в специальных исторических исследованиях, так и в мемуарной литературе. В первое послеоктябрьское десятилетие вопрос о политическом размежевании интеллигенции России ставился и решался не как научная проблема, а скорее как актуальная политическая задача. Довольно часто в работах того времени интеллигенцию после Октябрьской революции оценивали, как массу, в большинстве своем противостоящую большевикам, неспособную «перестроить свое мировоззрение» и «осознать непобедимость идей социализма»³. По мнению советского историка 1960-х — 1980-х годов Е.Н.Городецкого, одного из первых отечественных марксистских историков М.Н.Покровского характеризовала «...твёрдая уверенность в политической глухоте старой интеллигенции, в ее неумении и нежелании слушать музыку революции и тем более принять ее. Свою трактовку постоянной конфронтации интеллигенции и революции Покровский сохранил до второй половины 20-х годов»⁴.

Другая группа авторов 1920-х годов считала, что основная масса российской интеллигенции не смогла поначалу принять большевистскую революцию, но в дальнейшем «...большинство испуганных интеллигентов... в результате длительного и зигзагообразного процесса поняло, что новый класс не варвар, не хам и дикарь..., что [оно] может с таким же, а может быть и с гораздо большим успехом, нежели буржуазию, культурно обслуживать пролетариат»⁵. Этими авторами были выделены две группы интеллигенции. Первая группа — слой, безусловно, враждебный Советской власти и в большинстве своем неспособный к идейной перестройке, относящийся к высококвалифицированной части интеллигенции, а также отряды идеологов буржуазии (юристы, журналисты, земцы и прочие)⁶. Вторая группа — менее квалифицированная, рядовая часть, составляющая большинство интеллигенции, оценивалась как «наиболее способная к переходу на позиции социализма»⁷. Но сами авторы работ с изложением предлагаемой политической дифференциации интеллигенции России не считали данные группы достаточно четко оформленными и допускали взаимопроникновение интеллигентов из одной группы в другую, несоответствующую им по квалификации, социальному положению, профессиональной принадлежности. В первую очередь подобная оговорка относилась к молодой интеллигенции (и особенно к студенчеству), не успевшей, по мнению авторов, «развернуться в буржуазной среде», но способной «...с искренностью и горячностью молодости приобщиться к великому революционному творчеству наших дней...»⁸.

В работах публицистов и историков 1920-х годов были предприняты первые попытки определить причины идейно-политической дифференциации интел-

³ Ломакин И. Учительство передовой школы // *Известия*. 1919, 21 июня; Керженцев В. Ещё об интеллигенции // *Известия*. 1918, 18 октября; Мещеряков Н. Русские сменовеховцы // *Красная новь*. 1922. № 2. С.22; и другие.

⁴ Городецкий Е.Н. *Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов*. Очерки. М., 1981. С. 190.

⁵ Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория // *Красная новь*. 1925. № 6. С. 156; Смотрите также: Полонский В. Заметки об интеллигенции // *Красная новь*. 1924. № 1. с. 189 - 205; Сибиряков Н. Интеллигенция и органическая работа // *Известия*. 1918. 17 апреля; Гредескул Н. Интеллигенция на переломе // *Известия*. 1920. 12 июля; и другие.

⁶ Гредескул Н. Одиночная попытка или общественное движение // *Известия*. 1920, 17 августа; Полонский В. *Заметки об интеллигенции...* С. 205.

⁷ Гредескул Н. Одиночная попытка...

⁸ Там же.

лигенции России после большевистской революции. Среди выделяемых причин назывались социально-экономическая привязанность, особый характер умственного труда, его индивидуальность, из которой вытекают замкнутость, интеллигентский индивидуализм⁹. Это во многом повлияло на то, что интеллигенция «...не сразу увидела и сознательно оценила созидательную работу пролетарской диктатуры, не верила в осуществимость социалистических преобразований, а реальные трудности, лишения и невзгоды связывала только с коммунистической революцией»¹⁰. Нарком просвещения большевистского правительства А.В.Луначарский, характеризуя интеллигенцию послеоктябрьского периода, большое внимание уделял формированию идейно-политических позиций различных групп интеллигенции в коммунистической революции, подчеркивая, что политическое расслоение российской интеллигенции определялось не только социально-экономическим положением, но и рядом иных не менее важных факторов, таких как профессия, личные качества и другие¹¹. Главным моментом в определении позиций отечественной интеллигенции после Октября 1917 года выдвигался вопрос понимания происходящего, восприятия большевистской революции интеллигенцией для выяснения коренных мотивов сотрудничества данного социального слоя с коммунистической властью. Основная масса авторов 1920-х годов полагала, что интеллигенция сотрудничала с Советской властью «из соображений исключительно пайковых», то есть для получения содержания из рук большевиков, в глубине души надеясь на скорую гибель «ненавистной хамократии Советов»¹². Но, утверждая подобное, большинство авторов того времени не отвергало возможности в дальнейшем «осознания интеллигенцией своего места в коммунистической революции»¹³.

С конца 1920-х годов в советской обществоведческой литературе предпочтение стало отдаваться не творческому осмыслению марксистской теории, а схоластике, догматическому истолкованию некоторых положений трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, интерпретации упрощенных схем И.В.Сталина и его сподвижников, начетничеству, росло число направлений, закрытых для научного исследования, куда попало и рассмотрение идейно-политической дифференциации российской интеллигенции после Октябрьской революции. Начало формирования тоталитарного общества в СССР потребовало и наличия соответствующей интеллигенции в обществе. Такой тип интеллигенции (в современной обществоведческой литературе ее называют по-разному: социалистическая, советская, совковская, образованщина, большевигенция) как советский мог возникнуть только под определяющим воздействием, руководством такой тоталитарной партии как РКП(б) — ВКП(б) — КПСС¹⁴. Поэтому потребовалось создание догматической схемы «борьбы большевистской партии за интеллигенцию» с осени 1917 года.

⁹ Серебряный З. Саботаж и создание нового государственного аппарата // *Пролетарская революция. 1926. № 10. С. 7*; Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория... С. 155, 160.

¹⁰ Полонский В. Заметки... С. 198 -205; Гредескул Н. Интеллигенция на переломе...

¹¹ Подробнее об этом смотрите: Климанова Т.В. Проблема интеллигенции в произведениях А.В.Луначарского // *Методологические проблемы исследования места интеллигенции в социальной структуре развитого социализма. Материалы к Всесоюзной научно-теоретической конференции.* М., 1979. С. 48.

¹² Мещеряков Н. Русские сменовеховцы... С. 22; Ломакин И. Учительство перед новой школой...

¹³ Там же.

¹⁴ Подробнее об этом смотрите: Волков В.С. Главная закономерность процесса формирования советской интеллигенции // *Интеллигенция, провинция, Отечество: Проблемы истории, культуры, политики.* Иваново, 1996. С. 9 - 11.

Уже на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года, рассматривая социально-классовое развитие советского общества, И.В.Сталин объединяет новую буржуазию и интеллигенцию в одну группу¹⁵. Им было выделено концептуальное положение о росте по мере увеличения успехов социализма контрреволюционных настроений в среде интеллигенции. Правда, данное положение сопровождалось нечеткой оговоркой: «...*Ошибочно думать, что весь служилый элемент, вся интеллигенция переживает состояние недовольства, состояние ропота или брожения против Советской власти*»¹⁶. Тогда же из российской интеллигенции была выделена группа «*лояльной*» технической интеллигенции, «*ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперед, к лучшему*»¹⁷. Так было положено начало формированию вскоре догматической и упрощенной схемы о делении интеллигенции России после 1917 года на контрреволюционные верхи, оторванные от народа, и революционные низы, политически близкие пролетариату, а также колеблющуюся середину интеллигенции. Господство данной схемы в 1930-е — 1950-е годы привело к ущербу трудов советских обществоведов по истории отечественной интеллигенции.

Правда, и в 1930-е годы были попытки не замечать обязательной для основы любого изучения схемы трехслойного деления интеллигенции. Так, Е.М.Ярославский с прежних позиций марксистского историзма попытался разобраться в весьма сложных процессах, проходивших после большевистской революции в среде интеллигенции. В качестве причин, определивших идейно-политическое размежевание интеллигенции России в 1917 году, он называл классовый состав и многолетние традиции, в результате которых «*в массе своей старая интеллигенция... пошла на службу социалистическому государству*»¹⁸. Но данная работа Е.М.Ярославского, выпущенная небольшим тиражом на периферии, была лишь исключением в потоке повторяющих догматическую схему Сталина публицистических трудов 1930-х - 1950-х годов.

Первые попытки демонтажа сталинской схемы относятся к началу 1960-х годов под влиянием хрущевской «оттепели» и связаны с именем крупнейшего советского исследователя истории отечественной интеллигенции С.А.Федюкина. Он достаточно убедительно показал несостоятельность прямого детерминирования имущественным состоянием и социальным положением в обществе до Октября 1917 года отношение российской интеллигенции к большевистской революции¹⁹. С.А.Федюкин, М.П.Ким, Л.В.Иванова, Ю.С.Борисов, В.Л.Соскин, В.С.Волков, М.Е.Главацкий, Л.М.Зак, О.Н.Знаменский и ряд других исследователей 1960-х — 1970-х годов последовательно проводили в своих работах мысль, что социальное происхождение, принадлежность к высшим и так называемым «цензовым» слоям интеллигенции, имевшим высокий статус в обществе до большевистской револю-

¹⁵ Сталин И.В. *Сочинения. Том 10.* М., 1949. С.317.

¹⁶ Там же. С. 318.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ярославский Е.М. *О старой и новой интеллигенции.* Ростов-на-Дону, 1939. С. 4, 16.

¹⁹ Федюкин С.А. Ленин и проблема привлечения буржуазных специалистов к социалистическому строительству в первые годы Советской власти // *История СССР. 1960. № 2. С. 90 - 111*; Он же. В.И.Ленин о привлечении старой интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью // *Вопросы истории КПСС. 1970. № 1. С. 44 - 57*; Он же. *Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР.* М., 1960; Он же. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // *Военно-исторический журнал. 1962. № 6*; Он же. Борьба за перевоспитание старой технической интеллигенции в восстановительный период // *История СССР. 1965. № 4. С. 106 - 120*; Он же. *Советская власть и буржуазные специалисты.* М., 1965. С. 26.

ции, далеко не всегда обуславливали ее негативное отношение к Советской власти²⁰. При этом советские историки были вынуждены двигаться в русле отработанных направлений, а взгляды зарубежных исследователей всегда приводились лишь для дежурной «критики западных фальсификаторов»²¹. В это время в советской историографии отечественной интеллигенции был накоплен огромный фактический материал, проделана значительная источниковедческая и историографическая работа, появились обобщающие исследования, прошли первые научные конференции по истории интеллигенции, где предпринимались попытки объективно рассмотреть отношение русской интеллигенции к Октябрьской революции. Однако приверженность старой парадигме, диктат идеологических органов КПСС не позволили исследователям 1960-х — 1970-х годов выйти за рамки многих прежних подходов, характерных для предшественников.

Последующие 1970-е — 1980-е годы характерны не только продолжавшимся отказом от старой сталинской схемы, но и выдвиганием в русле коммунистических подходов рядом авторов собственных надуманных моделей. Во многом был прав академик М.П.Ким, когда еще в 1985 году, в начале горбачевской «перестройки», отметил: *«В вышедших за последние годы книгах содержится много нового. Правда, не во всех случаях авторы, видимо, учитывают, что новое слово в науке рождается не так просто и легко, что оно всегда является результатом напряженной работы мысли. Среди высказанных новых мыслей и положений, к сожалению, имеются и явно непродуманные, а иногда и просто схоластические. Отчасти по этой причине теоретические споры нередко носят надуманный характер»*²². Данное замечание с полным основанием можно отнести и к попыткам выдвинуть новые варианты схемы идейно-политической дифференциации интеллигенции после 1917 года не на основе изучения фактов, а лишь по наитию исследователя.

К сожалению, подобные подходы остаются доминирующими и в последнем пятнадцатилетии. До настоящего времени истинные мотивы и позиции революционной интеллигенции и ее общественных организаций остаются нераскрытыми. Современный новосибирский историк С.А.Красильников справедливо констатировал: *«Эпоха перестройки и постсоветское время доказывают устойчивость и живучесть политологических построений. При всех внешних их отличиях от предыдущей схемы трудно не заметить сходство логики рассуждений части исследователей, но теперь уже по принципу “перевернутого изображе-*

²⁰ Подробнее об историографической ситуации 1960-х — 1970-х годов смотрите: Главацкий М.Е. Советские историки о политическом размежевании буржуазной интеллигенции в период Октябрьской революции // *Интеллигенция и революция. XX век: Сборник статей*. М., 1985. С. 131 - 138.

²¹ Лишь с конца 1980-х годов стал заметен переход от огульной критики западных исследователей к конструктивному анализу. Смотрите: Багдасаров В.К. Американские и английские буржуазные историки о русской интеллигенции XIX - XX веков // *История СССР. 1987. № 4. С. 217 - 221*; Бойко Ю.В. Современное французское советоведение о духовной культуре послеоктябрьской России (1917 — конец 1920-х годов) // *Русский вопрос: История и современность. Омск, 1992. С. 111 - 120*; Он же. Становление советской интеллигенции в освещении французской немарксистской историографии 20-30-х годов // *Интеллигенция в советском обществе*. Кемерово, 1993. С. 110 - 121; Козлов С.А. Проблемы культурной революции в СССР в новейшей немарксистской историографии (1917 — начало 1930-х годов) // *История СССР. 1989. № 4. С. 186 - 199*; Зезина М.Р. Октябрь и интеллигенция в буржуазной литературе // *Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1987. Выпуск 5. С. 164 - 173*; и другие.

²² Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917 - 1927. М., 1985. С. 4.

ния». Спектр взаимоотношений «власть — интеллигенция» нередко трактуется ныне таким образом, что оппозиционность (враждебность, неприятие) части интеллигенции большевистской власти ставится интеллектуалам в заслугу, а союзоспособность по отношению к власти становится величиной негативной. Представление о власти как абсолютном зле, а интеллигенции как ее перманентной жертве настолько легко перешло из публицистики в исторические исследования, что это может быть темой специального историографического анализа»²³.

При этом приходится сталкиваться с работами современных авторов, где соседствуют упреки историкам прошлых лет в конъюнктурности и ангажированности, со ссылками на исторические документы и факты, введенные в исторический оборот в исследованиях все тех же советских историков²⁴. В этой связи приходится согласиться с мнением известного отечественного историка В.И.Миллера: «На смену постепенному освобождению от исторических оценок, не выдержавших проверки всей совокупностью накопленных фактов, пришел поддержанный частью историков отказ не только от значительной части накопленных исторической наукой наблюдений и выводов, но и от хорошо известных фактов. Новые подходы, несомненно, расширили круг проблем, рассматриваемых историками, ввели в него ряд ранее табуированных тем... Однако..., мы пока не продвинулись вперед ни в познании общих закономерностей исторического процесса, ни в осознании событий, которые определяли ход истории. В этих условиях, видимо, следует разобраться, не “вылили ли мы с грязной водой и ребенка”, иначе говоря, не привел ли радикальный отказ от применявшихся ранее подходов и методов к известному торможению в исторической науке»²⁵.

Необходимо признать, что немаловажным фактором в современный период для обработки и анализа документов и материалов по истории интеллигенции в условиях революционных событий 1917 года и победы коммунистического режима стали личные представления и впечатления авторов, как непосредственных свидетелей и участников нынешних событий конца 1980-х — начала 1990-х годов и краха коммунистического режима. Личное мироощущение в период ломки общественного строя в России позволили авторам вжиться в образы своих героев, а где-то порой и экстраполировать собственные, современные моменты личностного выбора как основу альтернативности истории («за» или «против»). При этом авторы испытывали потребность в сочетании личностных ощущений от проходящих событий с вычленением объекта исследования — российской интеллигенции 1917 года — как задачи теоретической. Здесь и заключаются значительные трудности в реконструкции не осознаваемых людьми представлений и соответствующих им норм поведения. Эти трудности, в общем, известны и наиболее сжато суммированы П.Берком²⁶. То, что не попадает в сферу сознания — не находит отражения в письменных источниках. Историк вынужден пользоваться косвенными методами, «домысливая» за своих героев. При этом зафиксировать свои выводы

²³ Красильников С.А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке (Дискуссионные заметки) // *Интеллигенция России в конце XX века: Система духовных ценностей в исторической динамике. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти профессора В.Г.Чуфарова*. Екатеринбург, 1998. С. 42.

²⁴ Смотрите, например,: Казанин И.Е. Отношение прогрессивной российской интеллигенции к Октябрьскому перевороту в первые месяцы Советской власти // *Вестник ВолгГУ. Серия 4. История. Философия*. Волгоград. 1997. Выпуск 2. С. 47 - 54.

²⁵ Миллер В.И. *Осторожно: история! М., 1997. С. 8.*

²⁶ *History of European ideas*. V. 7. 1986, # 5.

он может тоже, только придав бессознательным представлениям форму сознательных категорий. Построение системы категорий — такова пока наиболее разработанная форма описания ментальности, что явно не соответствует природе изучаемого объекта.

По меткому определению М.К.Мамардашвили, «...иногда знание того, что мы видим, несомненно, мешает нам видеть видимое»²⁷. Он говорил о познании человеком мира в целом, но данное замечание с не меньшим успехом может быть отнесено и к частным случаям, например, источниковедческому анализу. Действительно, еще недавно комплекс источников по истории отечественной интеллигенции первой трети XX века представлялся историкам, состоящим из следующих связанных частей: работы В.И.Ленина и других руководителей большевиков; документы большевистской партии; материалы советских органов; источники официальных организаций и союзов; пресса; документы личного происхождения; архивные материалы. Кроме того, специалистам-историкам позволялось использовать источники «непролетарского партийно-политического лагеря», к которым был необходим особенно критический подход. Но вот времена изменились, а с ними изменился и комплекс источников по истории интеллигенции первой трети XX века в следующей иерархической последовательности: труды лидеров и идеологов антибольшевистского лагеря; документы политических партий, течений и групп; официальные материалы; пресса; документы личного происхождения; архивы; документы советско-большевистского лагеря, требующие критического подхода, перепроверок.

Хотя почти все исследователи за последнее десятилетие успели «перестроиться», а затем еще и приобщиться к особой «русской духовности» 1990-х годов, возьму на себя дерзость утверждать, что мы так и не приблизились к глубокому познанию объекта исследования. Современная ситуация в отечественной историографии воскрешает рассуждения В.Франкла о детерминизме и индетерминизме: «Фактически мы живем во времена научного плюрализма, когда отдельные науки представляют реальность столь различно, что картины противоречат друг другу. Однако я убежден, что эти противоречия не противоречат единству реальности. Чтобы показать это, вспомним, что каждая наука дает, так сказать, сечение реальности»²⁸. И далее В.Франкл на основе геометрической аналогии показывает, что два ортогональных сечения цилиндра в одном случае представляют его горизонтальное сечение как круг, а в другом — вертикальное сечение — как квадрат. Мне представляется, что наши современные знания по истории русской интеллигенции также напоминают ортогональные сечения объекта исследования: если раньше мы анализировали плоскостную проекцию, ограниченную суловско-трапезниковскими рамками большевистского «прямоугольника», то сегодня мы позволяем себе обратиться лишь к «кругу» либерально-демократической проекции. При этом сам объект исследования по-прежнему очень часто выпадает из поля зрения, не вмещаясь в плоскостные построения.

В первую очередь наши прежние теоретические установки базировались на классовом дуализме: интеллигенция, как социальная прослойка, была зажата между двумя партийно-политическими лагерями. Поэтому ее положение во многом выяснилось на основе суждений партийно-политических лидеров и деклараций политических партий, в первую очередь большевистской. Даже споры о важнейших вехах в истории отечественной интеллигенции базировались на соответствующем подборе высказываний. Хотя в 1960-е — 1970-е годы декларировался от-

²⁷ Мамардашвили М.К. Указ. соч. с. 44.

²⁸ Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С. 75.

каз от «иллюстративного метода» и от применения «совокупности высказываний», однако и в конце 1980-х годов ряд споров, по существу, сводился к различным интерпретациям высказываний В.И.Ленина о месте и роли интеллигенции²⁹. Сегодня Ленина цитируют лишь для доказательства злонамеренной деятельности большевиков, истребивших интеллигенцию. Иногда для этого используют те же цитаты, какими еще недавно подтверждалась, якобы, «единственно правильная в тех условиях» политика большевиков в отношении интеллигенции.

Естественно, что комплекс источников деформируется в зависимости от идеологических установок. Критический анализ всех частей комплекса источников предопределяет отсеечение недостоверных данных, но это еще не означает вынесения тех или иных документов за рамки исследования в зависимости от их партийно-классового происхождения. Иначе мы просто переходим от изучения одной проекции объекта к другой, но сам объект по-прежнему не виден, не доступен нашему анализу³⁰.

Современное состояние гуманитарных наук предполагает отказ от стремления к упрощению исследуемого объекта. При изучении исторических сюжетов мы оказываемся перед трудной проблемой: исследователь подходит к изучению объекта в наивной убежденности, что мудрость его как бы превосходит сложность объекта. Однако на деле даже простейшее восприятие фактов оказывается обусловленным готовностью увидеть подтверждение уже сформировавшихся гипотез автора.

У историка нет возможности экспериментировать, проверяя свои гипотезы, что осложняет исследовательскую задачу³¹. В последнее время неоднократно предпринимались попытки обозначения количественного соотношения при политической дифференциации отечественной интеллигенции после Октябрьской революции, а также выявления причин данной дифференциации³². Однако, эти попытки вряд ли можно признать удачными. Ввиду отсутствия полных и всесторонних статистических данных, четкого разграничения политических позиций интеллигентов, исследователи на основе ограниченного целевого подбора аргументов и фактов пытались противопоставить различные точки зрения о соотношении пробольшевистской, антибольшевистской и нейтральной в политическом отношении российской интеллигенции после 1917 года. При этом попытки отдельных исследователей указывать на ценность нейтральной позиции в условиях общественной нестабильности российского общества³³, не получили развития и должного осмысления в отечественной историографии интеллигенции.

Разумеется, сама по себе идейно-политическая дифференциация любой социальной группы после политических переворотов представляет собой достаточно длительный и сложный процесс. Принципиально важно выяснить непосредственную реакцию российской интеллигенции на приход большевиков к власти, ее политическое размежевание в конкретной обстановке сразу после Октября 1917

²⁹ Смоляков Л.Я. *Социалистическая интеллигенция*. Киев, 1986.

³⁰ Об этом подробнее смотрите: Бордюгов Г.А. Каждое поколение пишет свою историю // *Исторические исследования в России: Тенденции последних лет*. М., 1996. С. 427 - 436.

³¹ Егорова В.С. *О природе исторического познания*. М., 1986. С. 19.

³² Об этом смотрите: Буслов К.П. *Социально-историческое развитие классов в СССР*. Минск, 1979. С. 72, 74 - 75; Федюкин С.А. *Партия и интеллигенция*. ., 1983. С. 49 - 55; и другие.

³³ Смотрите, например,; Квакин А.В. *Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: Теоретико-методологические, источниковедческие, историографические аспекты*. Саратов, 1989.

года. Этому во многом способствовало то, что в документах личного происхождения (воспоминаниях, дневниках, письмах, записных книжках) дошедших до нас из тех времен почти всегда высказывается отношение к большевистскому захвату власти, отражена непосредственная реакция на те события. Кроме того, вопрос о том, с кем (большевиками или их противниками) был тот или иной россиянин в конце 1917 года становится одним из существенных при определении лояльного отношения к «диктатуре пролетариата». Во многом, даже при возможности дальнейшего изменения политической позиции, про- или антибольшевистская позиция того времени фиксировалась в анкетах, автобиографических справках, а позже в биографических статьях в энциклопедиях и справочниках. Это, казалось, давало основания для однозначной оценки политической позиции того или иного представителя российской интеллигенции («за» или «против» большевиков) в Октябре 1917 года.

Но при конкретном описании политической позиции реального интеллигента возникала иная тяжело преодолеваемая трудность — частое неоднократное изменение политических настроений. Это не давало возможности понять, почему и каким образом изменяются обыденное сознание и соответствующие матрицы поведения объектов исследования. Исследователь вынужден во многом следовать по наитию за собственными ощущениями, вытекающими из персонального жизненного опыта. А опыт подсказывает, что на принятие решений политического выбора часто оказывали воздействие самые противоречивые факторы. Но, тем не менее, условно можно попытаться вычлнить логические опоры в принятии позитивного решения, определении позиции «за» или «против».

При этом приходится сочетать противоположности (пробольшевистская и антибольшевистская позиции интеллигенции) лишь на основе диалектической логики, которая не довольствуется принципом «или-или», а рассматривает содержание явлений в их взаимосвязи, единстве противоречивых сторон. В диалектической логике господствует закон единства, совпадения противоположностей, притом совпадения, доходящего до их тождества. Именно он составляет ядро диалектики как логики мышления, следующего за развитием действительности³⁴. Если в ходе анализа объектов и процессов становится возможным увидеть сущность раздвоенной линии поведения, то это значит, что процесс познания достиг своей цели, то есть действительная природа объектов и явлений адекватно познана³⁵.

Исходя из данного подхода, с учетом всех оговорок и условностей, автор данной статьи попытался с применением количественных методов решить исследовательскую задачу, не решенную традиционными историческими методами, а именно: определить основные причины размежевания российской интеллигенции в конце 1917 года на пробольшевистскую и антибольшевистскую. Для получения нового объема сведений о причинах политического размежевания российской интеллигенции после Октябрьской революции оказалось целесообразным изучить в полном объеме весь комплекс сведений биографического характера по интеллигенции того времени. Далее была проведена работа по составлению сводных данных о социальном происхождении, профессиональной подготовке, образовании, партийной принадлежности, характере деятельности в 1917 году, которые вошли в общую базу данных, что позволило соединить их в единую сводную таблицу для обработки.

Используя методы обработки всей совокупности данных, принятых в математических науках, был проведен корреляционный анализ полученных сведе-

³⁴ Ильенков Э.В. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. М., 1984. С. 270.

³⁵ Смоляков Л.Я. *Социалистическая интеллигенция...* С. 52.

ний³⁶. В основу подсчетов были положены данные, полученные по 1308 гражданам России 1917 года, занимавшимся в то время интеллигентской деятельностью. Среди факторов, которые в трудах историков и других исследователей-обществоведов фигурируют в качестве определяющих отношение интеллигенции к Октябрьской революции, обычно называют партийную принадлежность, профессию, возраст, образование, материальный уровень жизни, социальное происхождение. Как уже отмечалось, «*принято считать, что интеллигенция под влиянием Октября разделилась на три группы: враждебно, нейтрально и лояльно встретивших установление пролетарской диктатуры*»³⁷. Все эти факторы и были взяты для корреляционного анализа с целью выяснения доминирующих.

В результате подсчетов из первоначальных сведений были выведены коэффициенты корреляции факторов, влияющих на отношение интеллигенции России к Октябрьской революции. В итоге проведенного анализа данных были получены сведения, позволяющие определить порядок влияния различных факторов на политическую ориентацию: 1 — партийность, 2 — имущественное положение, 3 — профессиональная принадлежность, 4 — социальное происхождение, 5 — возраст, 6 — уровень образования.

В отношении интеллигенции к большевистской революции от ее партийной принадлежности безусловно закономерна первостепенная зависимость. Та часть интеллигенции, которая накануне Октября 1917 года четко определила «свою» партию, непосредственно после «рабоче-крестьянской революции», как правило, идет за данной политической партией. Подсчеты показывают сильное стремление членов октябристской и кадетской партий в антибольшевистский лагерь, их резко отрицательное отношение к Советской власти и слабый уровень колебаний. Но наличие определенного уровня колебаний, хотя и относящихся к величинам второго порядка, является уже показательным явлением. А вот у российских интеллигентов, состоявших в эсеровской и меньшевистской партиях, уровень колебаний становится доминирующим показателем, хотя здесь высоки и антибольшевистские тенденции.

И все же показатель влияния партийно-политической принадлежности интеллигенции на ее отношение к Октябрьской революции, скорее всего, является уже очевидным итогом воздействия ряда первичных факторов, именно они и представляют для исследования наибольший интерес. Выявлена следующая закономерность: у высокообеспеченных интеллигентов очень сильно негативное восприятие «пролетарской революции», заметное стремление в ряды борцов с большевизмом, хотя имеются и значительные колебания. У среднеобеспеченной интеллигенции прослеживается отрицательное отношение к революции большевиков лишь второго порядка. А вот низкообеспеченных интеллигентов в первую очередь характеризует стремление в разряд колеблющихся. Это дает определенные основания говорить о сильных антибольшевистских настроениях у высоко-

³⁶ Подробнее описание проведения математического анализа данных смотрите: Квакин А.В. Использование математических методов при анализе мотивов политического выбора интеллигенции в Октябре 1917 года // *История российской интеллигенции. Межвузовский тематический сборник научных трудов*. М., 1995. Часть 2. С. 45; Он же. Использование корреляционного и факторного анализов при изучении мотивов политического выбора российской интеллигенции в 1917 году // *Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII -XX века). Материалы Второй всероссийской научной конференции. Т. 1. Интеллигенция и многоликость культуры российской провинции*. Омск, 1995. С. 93 - 96.

³⁷ Красильников С.А. Октябрь и политические позиции интеллигенции Сибири // *Советская интеллигенция и её роль в коммунистическом строительстве в СССР*. М., 1979. Т. 1. С.117.

обеспеченной интеллигенции, значительных у среднеобеспеченной и о серьезных колебаниях у малоимущей интеллигенции.

Учитывая эти данные, трудно согласиться с упрощенным представлением, господствовавшим в советской историографии, о непосредственной зависимости жизненного уровня интеллигенции и ее политических позиций. Надуманные выводы о том, что богатая интеллигенция «полностью перешла в стан контрреволюции», среднеобеспеченная — «колебалась», а малоимущая пошла за большевиками, опровергаются данными корреляционного анализа. Уровень материального положения не дает нам права однозначного, непосредственного отнесения того или иного интеллигента в пробольшевистский или антибольшевистский партийно-политический лагерь. Одновременно следует учитывать, что фактор материального положения является доминирующим при сопоставлении с другими факторами, воздействующими на политические позиции интеллигенции в 1917 году.

Значительный интерес представляют данные корреляционного анализа о влиянии профессионального фактора. Так, у государственных служащих и дипломатов выявлена очень высокая степень негативного отношения к власти большевиков при наличии серьезной неустойчивости в политических настроениях. У деятелей театра, музыки, кино заметны тенденции в поддержку Октябрьской революции и отрицания контрреволюционной борьбы. А вот доминирующее положение в политических настроениях среди писателей, поэтов, литературных критиков, журналистов занимает колеблющаяся позиция, хотя здесь заметно и определенное негативное отношение к большевистской революции. У художников, скульпторов, графиков и других деятелей изобразительного искусства также преобладают политические колебания, но у них сильно и отрицание участия в антисоветской деятельности. В среде военной интеллигенции в 1917 году были определяющими антибольшевистские настроения. А вот для ученых наоборот характерно активное сотрудничество с «рабоче-крестьянским государством» и ярко выраженное нежелание сотрудничать с антибольшевистским лагерем. Среди медиков, агрономов, лесоводов заметны тенденции к сотрудничеству с победившей «диктатурой пролетариата» и отрицание антисоветских устремлений. Эти данные корреляционного анализа еще раз подтверждают ошибочность перенесения характеристик интеллигенции одного профессионального профиля на другие отряды интеллигенции, на что аргумент уже указывалось в историографической литературе³⁸.

Корреляционный анализ показал достаточно большое воздействие на политические позиции интеллигенции социального происхождения. Так, у выходцев из дворянства и буржуазии в рядах интеллигенции четко зафиксированы негативное отношение к Октябрьской революции и поддержка антибольшевистской контрреволюции. А вот у интеллигентов, вышедших из крестьянской среды, доминируют колеблющиеся позиции, хотя заметно и позитивное отношение к большевистской революции и негативное к ее противникам. Стремление в советский стан и нежелание поддерживать противников Октября заметны у выходцев из семей служащих.

Корреляционный анализ показал и сильное влияние на политические позиции интеллигенции России в конце 1917 года возрастных факторов. У молодых представителей российской в возрасте до 25 лет четко зафиксировано преобладание притяжения Советской власти и отрицания антисоветских позиций. Подобная

³⁸ Сергеев В.А. Новейшая историко-партийная литература о художественной интеллигенции в период строительства социализма (1917 - 1937 гг.) // *Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества в СССР*. Л., 1978. Выпуск 2. С. 19.

тенденция наблюдается и в возрастной группе от 26 до 35 лет, но она выражена не столь определенно, как у молодежи. А вот в группе интеллигенции от 46 до 55 лет заметно негативное отношение к Красному Октябрю, к ней примыкает, но не столь определенно, и группа в возрасте от 36 до 45 лет. Это дает возможность предполагать наличие у молодых интеллигентов сильных пробольшевистских позиций и усиление антибольшевистских взглядов у лиц интеллигентских профессий более старшего возраста. Подобная тенденция, скорее всего, не была случайной, так как по мере развития исторических событий в России 1917 года происходило и заметное усиление распространения пробольшевистских воззрений, в том числе и среди интеллигенции. При этом молодежь связывала с коренным переворотом социальных отношений возможность выдвинуться, занять заметное место в новой, революционной власти. В свою очередь интеллигенты среднего, и особенно старшего поколения, опасались потери своего социального статуса. Этим можно объяснить усиление антикоммунистических настроений в среде интеллигенции на шкале «Возраст», а также рост радикальных революционных настроений по мере понижения возраста.

Кроме прочих факторов, было проанализировано воздействие уровня образования на политические позиции интеллигенции. При этом следует отметить в целом невысокий образовательный уровень дореволюционной интеллигенции России. В 1913 году в Российской империи было 136 тысяч специалистов с высшим образованием, 54 тысячи — со средним специальным образованием из 1 миллиона лиц, относимых статистикой по характеру труда к интеллигенции³⁹. Корреляционный анализ позволил выявить преобладающую тенденцию неприятия «коммунистической революции» и сотрудничества с антисоветскими силами у лиц со средним образованием. У интеллигентов со средним специальным образованием, наоборот, сильно отрицание антибольшевистских позиций и поддержка Октябрьской революции. Но четкой зависимости уровня образования и политических позиций выявить не удалось.

Для уточнения и перепроверки факторов, влияющих на отношение российской интеллигенции к Советской власти в конце 1917 года, подсчеты были продолжены. При этом использовалась иная математическая модель: с помощью методов факторного анализа определялось число доминирующих факторов. Всего для подсчетов теперь были взяты данные уже по 2811 представителям интеллигенции России 1917 года. На основе полученных результатов была выявлена общая сумма собственных значений 2,2, распределенная по 13 значащим факторам. Анализ значения каждого из этих факторов выражается следующим образом:

<i>Номера по порядку</i>	<i>Собственные значения</i>	<i>Значимость в процентах</i>
01	0,59	27
02	0,50	23
03	0,20	9
04	0,15	7
05	0,13	6
06	0,13	6
07	0,13	6
08	0,10	5
09	0,09	4

³⁹ *Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник.* М., 1977. С. 291.

10	0,08	3,5
11	0,07	3
12	0,02	1
13	0,01	0,5
<i>Всего</i>	2,2	100%

Ограниченность первыми двумя факторами обеспечивает 49% значимости. Если ограничиться первыми семью факторами, то они обеспечивают 83% значимости. Это — гипотетические факторы. Реальные факторы представляются как линейные комбинации этих гипотетических факторов. Сопоставление факторного и корреляционного анализов позволяют выделить стабильные 13 наиболее существенных, значащих факторов. А именно:

3 фактора из партийной принадлежности (*большевики; меньшевики, эсеры; кадеты, октябристы*),

5 факторов из профессиональной принадлежности (*государственные служащие, дипломаты; писатели, поэты, литературные критики, журналисты; деятели изобразительного искусства; военные; ученые*),

3 фактора из социального происхождения (*из дворян; из буржуазии; из крестьян*), по одному — из уровня материального обеспечения (*высокооплачиваемые*) и из уровня образования (*среднее*). Как и в случае корреляционной модели, главенствуют те же 6 факторов. Особое внимание следует обратить на профессиональный фактор, который подчеркивает влияние профессиональных корпоративных связей и характера трудовой деятельности на обыденное политическое сознание интеллигенции.

Для продолжения исследования и включения вновь выявленных биографических данных были составлены и перепроверены сведения для картотеки на 2865 лиц интеллигентских профессий на конец 1917 года, что позволило соединить их в единую сводную таблицу для обработки. Для их анализа была использована Глобальная программа идентификации многомерных дискретных динамических систем и экстраполяции случайных стационарных процессов (Версия 7591). Были выявлены экстраполяция и параметрическое оценивание многомерных стационарных стохастических процессов, позволившие представить расклад векторов «*Противники большевиков*», «*Неопределенная позиция*» и «*Сторонники большевиков*», в том числе и по профессиональным группам. При рассмотрении вектора «*Противники большевиков*» легко соглашаешься с тем, что людям старших возрастов было трудно признать новую власть, разрушающую все, чего они добивались за многие годы работы на интеллигентском поприще. Легко прогнозируется и негативное отношение представителей интеллигенции буржуазного социального происхождения к «*пролетарской революции*». Труднее объяснить реакцию специалистов со средним образованием. А вот выделенные в данном векторе профессиональные группы ученых, государственных служащих, инженерно-технических работников, художников представляют повышенный интерес, ибо позволяют говорить о конкретных условиях труда, корпоративных традициях, влияющих на целые профессиональные отряды интеллигенции. Конечно, конкретный исторический материал даст существенное обоснование выявленным тенденция.

Важно отметить, что сходные тенденции наблюдаются и в векторе «*Неопределенная позиция*». Здесь появляется еще одна профессиональная группа — писатели. Возможно, что на их политический нейтралитет повлияла популярная в то время формула «*литература вне политики*». А вот социальное происхождение су-

ществленного значения для выбора политического нейтралитета в конце 1917 года не имело.

Сложнее оказалось понять механизм формирования вектора «*Сторонники большевиков*». Здесь присутствуют многие факторы, что и в двух других векторах. Значительный интерес представляют сведения о сторонниках власти большевиков среди конкретных профессиональных групп российской интеллигенции в период Октябрьской революции. Выявлена следующая заметная корреляция позиций интеллигенции среди сторонников Советской власти по профессиональным группам:

А. *Военные* — 1 - неполное высшее образование, 2 - возраст от 36 до 45 лет, 3 - возраст от 25 до 35 лет; В. *Ученые* — 1 - возраст старше 56 лет, 2 - большевики с дореволюционным стажем, 3 - возраст от 46 до 55 лет, 4 - среднее образование; С. *Медики* — 1 - возраст от 36 до 45 лет, 2 - возраст старше 56 лет, 3 - большевики с дореволюционным стажем; D. *Театральные деятели* — 1 - возраст от 46 до 55 лет, 2 - неполное высшее образование, 3 - возраст от 36 до 45 лет, 4 - возраст старше 56 лет, 5 - социальное происхождение из служащих; Е. *Писатели* — 1 - неполное высшее образование, 2 - возраст от 36 до 45 лет, 3 - возраст от 46 до 55 лет, 4 - возраст старше 56 лет, 5 - из неимущих, 6 - мелкобуржуазного происхождения, 7 - эсеры и меньшевики по партийной принадлежности, 8 - в возрасте от 26 до 35 лет.

Таким образом, за счет использования математических методов были выяснены общие закономерности влияния различных факторов на политическую дифференциацию интеллигенции России в 1917 году. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что применение математических методов в качестве вспомогательных, как об этом свидетельствует российская и международная историографическая практика, способно действительно расширить горизонты исторического познания, в отдельных случаях повысить его достоверность, дать иногда такие результаты, которых было бы невозможно достигнуть при помощи только традиционных методик. Однако, когда данные методы становятся главными, а место последовательного изображения событий целиком занимает моделирование тех или иных явлений и структур, история практически теряет свое важнейшее качество, с античных времен конституировавшее ее как особую дисциплину, переставая быть логически связанным, последовательным повествованием, соединяющим человеческое прошлое и настоящее. Воистину был прав Р.Дж.Коллингвуд, когда утверждал: «*Статистическое исследование для истории — хороший слуга, но плохой господин*»⁴⁰. Используя настоящий совет и учитывая имеющиеся выводы, полученные при помощи математических методов, необходимо продолжить рассмотрение конкретного исторического материала, особенно из вновь открывшихся архивных хранилищ.

Ведь для историка недостаточно просто подсчитать корреляты, ибо под общими цифрами приходится собирать много уникальных личностей, которые не укладываются в простые схемы типа «за или против». С одной стороны, математические методы позволили увидеть общие тенденции в определении позиций интеллигенции 1917 года. Но, с другой стороны, мертвая статистика убирает, по сути дела, личность исследователя, не позволяет ему вмешаться в искусственно замороженную историческую ситуацию, сделать знание живым. Об этом состоянии изучения объекта писал современный психолог Л.М.Веккер: «...*Абстрагирование неизбежно и даже полезно на тех этапах развития науки или на тех стадиях исследования, когда вычленяются основные аспекты изучаемого объекта и кри-*

⁴⁰ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории: Автобиография*. М., 1980. С. 217.

сталлизуется соответствующее им система понятий... На последующих же стадиях такое искусственное обособление превращается в гипостазирование абстракций и тем самым становится тормозом. И дальнейшее развитие теории требует синтетического соотнесения ранее аналитически отщепленных друг от друга концептов, соответствующих основным аспектам исследуемой реальности»⁴¹. На мой взгляд, суждение Л.М.Веккера может быть отнесено не только к психологической сфере научных знаний, но и ко всем гуманитарным наукам.

Тогда современная стадия изучения истории российской интеллигенции должна превратить историю в живую, подлинно гуманитарную науку, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание по истории интеллигенции России в 1917 году не только обязано разрушить старые догматические схемы, но и вынудит не застывать историческим знаниям в гипостазированных абстракциях, а потребует представлять очень широкий, часто меняющийся веер настроений в среде русской интеллигенции того времени.

Таким образом, мы видим, что современная историографическая ситуация по проблеме изучения политических позиций российской интеллигенции осенью 1917 года характеризуется переходными тенденциями. Отказ от старых догматических схем, введение новых документальных материалов в исторический оборот, применение новых (в том числе, математических) методов еще не позволили совершить решительный исследовательский прорыв. Но уже сейчас понятно, что произошедшие изменения и поиски современных подходов требуют синтетического соотнесения ранее отщепленных друг от друга подходов, превращения истории в подлинно гуманитарную науку.

© Андрей Квакин, 2000

⁴¹ Веккер Л.М. *Психика и реальность: единая теория психических процессов*. М., 1998. С. 632.